

стал он сеять смерть направо и налево, так что дивились все его бранным подвигам. И видно было, как сражение то отодвигалось от замка на расстояние полета стрелы, то подкатывалось к самым воротам. Но вот выехал Элиас-военачальник, он носился яростно по полю битвы туда и сюда и самому королю Марку нанес столь могучий удар по шлему, что выбил его прочь из седла. Тогда сэра Динас вновь посадил короля Марка на коня.

И прискакал туда сэра Тристрам, точно дикий лев, он схватился с сэром Элиасом и с такой силой ударил его по шлему, что тот вывалился из седла. Так продолжался бой до ночи, и тогда, потеряв убитыми великое множество людей и множество раненых увозя с собою, обе стороны отошли на прежние рубежи.

Когда король Марк оказался за стенами своего замка Тинтагиль, он недосчитался из рыцарей своих целой сотни, те же, кто осаждали замок, потеряли двести рыцарей. После того обе стороны оказали помощь своим раненым, и тогда те и другие сошлись на советы. И знайте, что ни та сторона, ни другая не желала возобновлять сражение, дабы обоим войскам выйти из этого дела с честью.

Когда Элиас-военачальник узнал о гибели своих людей, он предался великой печали; когда же он услышал, что его люди не хотят больше биться, гневу его не было меры. И тогда Элиас, не долго думая, послал к королю Марку и надменно потребовал, чтобы король нашел рыцаря, который сразился бы с ним, Элиасом, один на один, и если он убьет того рыцаря, то будет взимать ежегодную дань с Корнуэлла, а если тот рыцарь убьет его, тогда навеки откажутся саксонцы от своих притязаний.

Вот отбыл посланец к королю Марку и передал ему, что господин его Элиас вызывает его найти рыцаря, который с ним сразился бы один на один. Выслушал король Марк это посольство и велел ему – дожидаться ответа. А сам созвал он все свое войско, чтобы получить наилучший совет, и все они сказали одно:

– Нам сражаться нет охоты, ведь когда бы не доблесть сэра Тристрама, мы бы и вчера с поля боя живыми не ушли. И потому, сэра, мы так полагаем, что лучше будет сыскать рыцаря, который бы вступил с ним в поединок, как он по-рыцарски предлагает.

24

Но хоть судить-то они так судили, однако рыцаря, чтобы сражаться, сыскать не могли.

– Государь, – объявили они все ему, – нет такого рыцаря, который бы осмелился выйти против Элиаса.

– Увы! – сказал король Марк. – Тогда я опозорен и погиб, если только племянник мой сэра Тристрам не возьмет на себя этот поединок.

– Сэра, да будет вам ведомо, – сказали все, – он вчера потрудился на поле брани сверх меры и тяжело устал и жестоко изранен.

– Но где же он? – спросил король Марк. И ответил один из них:

– Сэра, он лежит на своей постели и отдыхает.

– Увы! – сказал король Марк, – если я не получу помощи от племянника моего сэра Тристрама, я навеки безвозвратно погиб.

И с тем один из них отправился к сэру Тристраму, который лежал обессиленный после боя, и передал ему слова короля Марка. И сэра Тристрам сразу вскочил, накинул на себя долгополое одеяние и явился перед королем и лордами. И, увидя их столь сокрушенными, спросил, какие у них вести.

– Хуже некуда, – отвечал король.

И он поведал ему все, что вы слышали ранее.

– Что же до вас, – сказал король, – с вас не можем мы более спросить ничего, ибо через вашу храбрость в прошлом бою вы всех нас уже спасли от смерти.

– Сэра, – молвил сэра Тристрам, – вижу я, что вы ждете от меня помощи, да и понятно, что я должен сделать все, что в моих силах, для спасения чести моей и жизни, хотя я изранен и весь разбит. И раз уж сэра Элиас шлет нам заносчиво свой вызов, я его принимаю! Либо погибну я на поле боя, либо избавлю Корнуэлла от прежней дани. А потому призовите немедля его посланца, и он услышит мой ответ. Ибо раны мои еще свежи, им еще семь дней заживать, а пока они день ото дня будут все болезненнее, так что пусть он передаст, что я стану с ним биться завтра же.